

«РУССКИЙ БЕРЛИН» 1920-Х ГОДОВ И ПРИНЦИП NON-REFOULEMENT ЭМИГРАНТОВ

О.В. Чуракова (Архангельск)

Россия и Германия на протяжении многих веков были государствами – соперниками и потому выражение «Русский Берлин» может восприниматься как казус внешней политики. Следует отметить, что россияне действительно несколько раз оккупировали Берлин. В 1760 году русско-прусские войска заняли город, – это было кульминационным моментом участия Российской империи в Семилетней войне. Второй раз русские воины побывали в столице Германии в 1813 году – уже как освободители (они преследовали армию Наполеона) и берлинцы встретили их ликованием. В 1760 году русские пробыли в Берлине всего 4 дня, немного дольше задержались в 1813 году, но был ещё третий раз, когда войска из России разместились в столице Германии надолго. В 1945 году после капитуляции Германии Берлин был поделен между союзными державами. Советская военная администрация Германии (СВАГ), управлявшая Советской зоной оккупации страны в 1945 – 1949 гг. (до образования ГДР), размещалась в берлинском районе Карлсхорст. Не в один из данных периодов Берлин не получил названия «русского».

«Русский Берлин» – выражение, используемое в научной, документальной и художественной литературе для обозначения мирной «оккупации» русскими эмигрантами столицы Германии в начале 20-х годов XX века [3, 7, 8, 9, 15]. Большинство из них были беженцами или депортантами из пределов новой России. Самый большой исход из советской России осенью 1922 года получил название «философский пароход» или «философская флотилия» и, по мнению исследователей, представляет собой «иррациональную депортацию интеллектуального потенциала государства» [11, с. 113]. За несколько месяцев в 1922 году из России выехали более двухсот самых известных ученых, среди которых 11 были профессиональными философами, а более половины – представителями гуманитарных профессий (литераторы, педагоги-филологи, историки, журналисты, юристы) – то есть мыслителями. Таким образом, «философский пароход» в узком смысле – собирательное имя для двух рейсов немецких пассажирских судов «Oberbürgermeister Naken» и «Prussia», доставивших из Петрограда в Штеттин в 1922 году высланных из РСФСР опальных ученых. В более широком толковании – изгнание из Советской России в начале 1920-х годов инакомыслящей интеллигенции.

Как известно, в условиях НЭПа большевистское правительство меняло тактику борьбы с диссидентами: применение смертной казни заменялось высылкой за границу. Это не было либерализацией курса. Ленин так выразил свое отношение к русским ученым: «явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация её слуг и ... растлителей учащейся молодежи», призывал «этих военных шпионов излавливать и высылать за границу» [6, с. 265–266]. Прежде всего, применение к инакомыслящим высылки, а не ссылки или расстрела диктовалось тем, что правительство большевиков

добивалось в период НЭПа признания своего государства. Арестованы были лица, чьи имена и деятельность были известны в Европе. «Большевики хотели показать, что они не есть варварская деспотия» [4, с. 113].

Процесс депортации начался с того, что в июне 1922 года выслали за границу деятелей Помгола (комитет помощи голодающим), – помголовцев хорошо знали за рубежом. На допросах выяснилось, что в период работы комитета его активисты вели дискуссии о возможности падения режима. Это послужило поводом для новых арестов, а поскольку показания эти были «вытребованы» у ректора одного из вузов, то на сей раз «под раздачу» попали профессоры и студенты учебных заведений. Более всего «досталось» тем, кто публиковал свои оппозиционные властью произведения в открывшихся в период «оттепели» НЭПа журналах. В это время печатались: «...Не удастся никогда социализм» (Н.А. Бердяев); «Я боюсь» (Е. Замятина), труды П.А. Сорокина и др. Кроме вузовской профессуры, репрессии коснулись и других групп «буржуазных интеллигентов»: врачей, юристов, агрономов, инженеров.

При начальнике Секретно-Оперативного Управления ГПУ было создано Особое Бюро по административной высылке антисоветской интеллигенции. К высылаемым применяли ст. 57, 62, 63, 69 и 70 УК: участие или пособничество антисоветским организациям, контрреволюционные выступления на съездах, совещаниях, в печати. Истинные мотивы властей раскрывают воспоминания депортируемых: «мне ставят в вину мою религиозно-философскую идеологию» (Н. Лосский), «правители России настолько трусливы, что бояться каждого независимого и честного мнения и по глупости ссылают нас туда, где мы имеем полную возможность сказать ту правду, которую они хотят скрыть от себя и от всего света» (Б.Н. Одинцов) [9, с.78–79].

В ГПУ на Лубянке арестованных заставляли подписывать обязательство покинуть пределы РСФСР в пятидневный срок, – в противном случае их выслали бы этапным порядком (и возможно на Восток – в Сибирь, а не на Запад). Далее беженцы отправлялись поездами на Ригу (А.В. Пешехонов, П.А. Сорокин, И.П. Матвеев, А.И. Сигирский и др.) и Берлин (Ф.А. Степун, Н.И. Любимов и др.) или плыли на пароходах (М.А. Ильин, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, И.А. Ильин, С.Е. Трубецкой, А.А. Кизеветтер, М.М. Новиков, А.И. Угримов, В.В. Зворыкин и др.).

Почему же страной пребывания российских «непокорников» была выбрана Германия? Прежде всего, потому, что никто из западных держав Советскую Россию ещё не признал, а между Германией и РСФСР в апреле 1922 года в итальянском городе Рапалло был заключен договор. Он предусматривал лояльное отношение к немцам в России и к россиянам в Германии. Правительство обеих стран признавали паспортно-визовую документацию друг друга, либо ту, что одобряли обе стороны (например, «Нансеновские паспорта» с 1924 года или сертификаты личности беженцев, выдаваемые Съездом русских юристов). Россияне, въезжавшие в Германию осенью 1922 года, получали статус политических эмигрантов (хотя сами они

подчеркивали, что являются не эмигрантами, а изгнанниками!). Российские беженцы чувствовали себя вполне безопасно в Германии: к ним применялся принцип, позднее обозначенный как non-refoulement, то есть «не возвращения» изгнанников в ту страну, где им угрожала опасность преследования (по политическим убеждениям или иной причине). Данный принцип прописан в законах о беженцах 1933 г., Женевской конвенции 1949 г., Европейской конвенции о защите прав человека и основных свободах 1950 г., Конвенциях о статусе беженцев 1951 г. и ОАЕ по проблемам беженцев в Африке, Американской конвенции о правах человека 1969 г. и других документах международного права. Например, ст. 4. Европейской конвенции «О защите прав человека...» 1950 г. гласит: «Каждый имеет права искать убежища». Следовательно, если государство возвращает преследуемого в страну, где ему угрожают репрессии, то оно нарушает права человека. В Германии в 1920-х гг. этот принцип уже применялся к русским эмигрантам и вынужденным переселенцам.

Кроме того, Россию и Германию связывали давние культурные связи; у новых жителей страны, как правило, не возникало и языкового барьера. Однако, вопреки надеждам беженцев, никто особенно их не ждал на Западе. Белая эмиграция отнеслась к вновь прибывшим настороженно, полагая, что они не «высланные», а «засланные», поскольку их выпустили из Советской России. Правительство Германии тоже относилось к прибывшим весьма двойственно [5, с. 174]. Да и сами они оказались в непростом положении: с одной стороны обрели свободу и избежали репрессий со стороны советской власти, но с другой – оказались на чужбине. Манифестом Русского Зарубежья стала речь Ивана Ильина на торжественном вечере немецкого Красного Креста в ноябре 1922 г. Философ констатировал факт: «Мы против воли высадились на гостеприимный берег Германии» и провозгласил русских мыслителей «глашатаями Воскресенья» родной страны [7, с. 332].

Большинство из ученых не имели навыка иной деятельности, кроме научной и преподавательской, а потому перед ними неизбежно вставала проблема трудоустройства в эмиграции. Тем не менее, новым эмигрантам удалось развернуть религиозно-философскую и научную деятельность. В Берлине в 20-х гг. XX века было создано множество творческих союзов и научных обществ. Исследователи отмечают, что «преимущества, которые давал для эмиграции Берлин, использовались с лихорадочной энергией» [10, с. 1033]. В те же годы в Берлине было множество литераторов, художников из России, из них самые известные: Марина Цветаева, (её «лютая любовь к Германии» излита в поэзии), В. Набоков (автор «Путеводителя по Берлину»), В. Зайцев, Б. Пастернак, В. Ходасевич и многие другие. В 1920-е годы в столице Германии работало 11 российских издательств, множество русских кафе, ресторанов, театров, но главное – ученые здесь «обрели свободу самовыражения, возможности объединяться в творческие и профессиональные союзы» [10, с. 1033–1034]. Например, Николай Бердяев организовал «Религиозно-философскую академию». Однако, для большинства ученых Берлин стал промежуточным пунктом, откуда они

постепенно разъехались в научные центры Европы. Многие философы, к примеру, были приглашены читать лекции в Прагу. Иван Лапшин вспоминал: «я был приглашен, вместе с другими... президентом Чехословацкой республики (Т. Масариком) для продолжения научных занятий в Прагу» [7, с. 332]. Те же, кто не уехал из Берлина в 1920-е годы, подверглись репрессиям со стороны нового диктатора Германии. Третий Рейх уже в 1933 году ограничил в правах «натурализованных русских». Все еврей-ученые были уволены со службы с запретом публиковаться и преподавать. Так, избежав тюрьмы в Советской России, российские ученые попали в подобную ситуацию в Германии. «Изувер-безумец» – характеризовала Гитлера Татьяна Франк (жена С. Франка). Ей вторит жена Николая Бердяева Лидия: «Недавно слушала речь Гитлера. Впечатление: хриплый рев буйнопомешанного» [1, с. 95]. Всем евреям-эмигрантам из России пришлось сменить место жительства, снова испытать нужду, голод, лишения. И.А. Ильин с 1938 жил в Швейцарии, С.Л. Франк – во Франции» [12, 13]. В период немецкой оккупации Франции жена Франка в течение нескольких месяцев прятала его в горах близ Гренобля» [12, с. 332].

После окончания Второй мировой войны многие русские эмигранты «доживали» в Германии в специальных «ди-пи» лагерях для «перемещенных лиц» (по-английски – d.p. – displaced person). Это были уже люди преклонного возраста, прожившие жизнь «на чужих берегах», в том числе – в «Русском Берлине». Тем не менее, их опыт выживания и «вживания» в чужую культуру весьма важен для решения нынешней проблемы беженцев, принимающий мировой масштаб в начале XXI века.

1. Бердяева, Л.Ю. Профессия: жена философа /Л.Ю. Бердяева. – М.: Молодая гвардия, 2002.– 260 с.
2. Кантор, В.К. «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов (становление философского пространства в России / В.К. Кантор. – М: РОССПЭН, 2011. – 606 с.

Квакин, А.В. Идеино-политическая дифференциация интеллигенции в период НЭПа. 1921–1927 / А.В. Квакин. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991. – 176